

Мельник Виктор Мирославович

студент

Киевский Национальный Университет им. Т. Шевченко

г. Киев, Украина

Психология в социально-культурной антропологии

***Аннотация:** в статье поднимаются вопросы социокультурной антропологии в своих психологических аспектах. Автор рассматривает алгоритм развития и трансформации этнической психологии.*

Сознание и психология человека в обществе – одна из наиболее интересных проблем социально-культурной антропологии. Психологические аспекты выступают лейтмотивом всех антропологических учений. Особо следует подчеркнуть историческую и политическую антропологии, где этнопсихология составляет фундамент большинства теорий и гипотез [9, с. 255-257]. Психологическая антропология – учение о национальном характере, менталитете, о патологии и норме в культурных процессах. Основателем психологической антропологии, как известно, стал Ф. Боас (1858-1942). Он, поддерживая теории В. Вундта, заложил основы лингвистической антропологии. Психологическая антропология стала одновременно субдисциплиной этнопсихологии и антропологии, а также довольно часто наблюдается в среде этнонаук. Главным исследовательским предметом следует считать культуру во всех ее психологических проявлениях. По мнению Боаса, исследователь должен оценивать все явления с точки зрения изучаемого этноса. То есть необходимо на время углубиться во все культурные процессы этого народа, изучить его язык [3, с. 230-239]. Особое внимание первые психологи-антропологи уделяли личности в культуре. Каждая отдельная личность требует детального анализа с точки зрения менталитета и культуры. Также исследователь должен изучить изменения в собственном индивидуальном мировоззрении после интеграции в определенную культуру. Эта интеграция сформировала этнопсихологическое направление «Культура и личность», создание которого завершили ученики Ф. Боаса. И. Данилюк пишет: «этнопсихологическая школа Боаса, к которой принадлежали такие наиболее известные представители, как Абрам Кардинер, Маргарет Мид, Ральф Линтон, Рут Бенедикт, Кора Дюбуа, Ирвинг Галлоуел, Эдуард Сепир, начинала исследования культуры того или иного народа по изучению личности, которая, по мнению этих ученых, существует в культуре, как человек в природе. К тому же обращение представителей этой школы к психологическому фактору культуры не было чем-то особенно новым. Э. Тайлор, Г. Спенсер, Дж. Фрезер и другие представители эволюционизма постоянно ссылались на психику человека (в частности первобытную) как на фактор зарождения и развития мифологических, религиозных идей. Последователи Фрейда также выводили все

явления культуры с человеческой психики, правда, с подсознания. Э. Дюркгейм, Л. Леви -Брюль как представители французской социологической школы впервые обратились к коллективной, а не индивидуальной психологии и пытались установить законы, которые управляют этой психологией («коллективное сознание», «коллективные представления», «паралогическое мышления»). Они соглашались с утверждением О. Конта о том, что высшие умственные функции остаются непонятными, если ограничиваться изучением отдельной личности. Для того чтобы их понять нужно рассматривать эволюцию вида». Менталитет и этнонациональное сознание – главная предпосылка существования этнической культуры и всего этноса. Это же в своих исследованиях («Этнос и этнография», «Современные проблемы этнографии») подчеркивал и Ю.В. Бромлей [3, с. 210-212]. Л. Гумилев в своем фундаментальном труде «Этногенез и биосфера Земли» писал, что культура и менталитет формируются в течение этноистории и этногенеза, которые в свою очередь являются естественными процессами. Он же определяет этническую культуру и рост или уменьшение национального сознания, как закономерные явления биосферы. По теории пассионарности, появление национального сознания и этногенетические преобразования этнических организмов, являются «импульсами биосферы» [6, с. 20-42]. Возможности практического воплощения этой теории были показаны Гумилевым в монографии «Древняя Русь и Великая степь», которая впервые была издана в 1989 году. В последней дается довольно подробная оценка этнических процессов в Евразии в течение средневековья и анализируются психологические трансформации культуры, менталитета, сознания у отдельных народов.

Зависимость этноса и этнической психологии от биосферы, климата, историко-географического фактора, не просто теория – это проверенная временем реальность [6, 8]. Рассматривая политическую и этническую историю украинцев, видим, что психология и менталитет были заложены прежде всего климатом, географическим положением и влиянием биосферы. Климат и биосфера произвели физические антропологические показатели украинского этноса и обусловили земледельческий образ жизни. Экономический достаток вылился в различные формы экономического традиционализма, социальным проявлением которых стал индивидуализм и замкнутость производителя, преобладание внутреннего рынка в крестьянской и мелкошляхетской среде. Села жили отдельной автономной жизнью – их психологическое развитие не происходило в совокупности различных регионов, как это было возможно в Англии или в Польше. Культура, менталитет, этнографические аспекты и историческая антропология развивались по определенному четкому алгоритму. Этот алгоритм, как импульс биосферы, позволял тлеть остаткам неполитической этнической идентичности в течение XIX-XX вв. и позволил восстановить государство. Однако, политические неудачи и распри 1659 г., 1709 г., 1917-1922 гг, следует объяснить прежде всего психологической чертой, заложенной социально-экономическими причинами (автономной жизнью каждого села, региона, оформленным экономическим

благополучием). Эта черта – индивидуализм. Слободские и подольские крестьяне практически не имели опыта общения между собой, что нивелировало аспект национального сознания среди крестьянства. Социально-экономический индивидуализм, отсутствие необходимости в постоянном межрегиональном торговом сочетании оформили отсутствие самоорганизации в политических процессах [2, 5].

Зато, Швеция, Дания, Эстония, Германия, в течение исторического процесса не имели такого уровня перепроизводства. К тому же, их климат существенно прохладнее от украинского или балканского, плодородие земель значительно ниже. Именно этот фактор и способствовал необходимости сначала торгово-экономической, а затем и политической интеграции. Итак, теория о различии этносов по территориальному признаку вполне логична. Только применять ее нужно не в расовом, а в психологическом аспекте.

В политической и экономической антропологии психолого-антропологические категории проявляются в понятии «традиционализм». Последнее предполагает традицию как основу, единственный обусловленный природой и этногенезом аспект общественной жизни и развития. Традиция обусловлена менталитетом, климатом, исторической памятью, что делает её предметом исследований психологической антропологии. Она через этнопсихологию, как науку, вносит традиционализм в политическую, экономическую и юридическую антропологию. Это возвышает и саму этнопсихологию, и психологическую антропологию к идеологическому уровню. Идеологичность заключается в научном задании – возрождение вымирающих и забытых культур, возвращение историко-этнического опыта в современные индустриальные общества. В этом задачи и этнопсихологии, и психологической антропологии сходятся. Различаются только конкретные методы и общая теория, где психологическая антропология исследует именно «человека этнического», его взаимосвязь с обществом и культурой. Эти взаимосвязи и являются тем, что я называл «психологическим аспектом» [9, с. 256-257].

А.Р. Лурия отмечал: «... культура, среда меняют человека, не только давая ему определенные знания. Они трансформируют саму структуру его психологических процессов, производя в ней определенные способы пользования своими собственными возможностями». И. Данилюк заключает утверждение Лурии следующим образом: «Человек, овладевая идеальной формой – культурой, которую он застает при рождении, присваивает её себе. Она становится его собственной субъективной реальной формой». Ниже, тот же автор приводит весьма интересные примеры различия в понимании личности в различных культурных пространствах: «... такое глубокое и устойчивое свойство – локус контроля – существенно отличается у представителей восточных и западных культур, т.е. определяется культурой к которой принадлежит человек. Если человек свое поведение рассматривает как такое, которое зависит от него самого, – это свидетельствует о интернальном (внутреннем) локусе контроля (в странах

Запада люди обычно считают себя ответственными за все, что с ними происходит). Если поведение трактуется как таковое, которое не зависит от воли индивида, – это свидетельство экстернального (внешнего) локуса контроля (в странах Востока результаты деятельности зависят от других людей, от судьбы, случая) ... Также существуют различия между пониманием личности в восточных и западных культурах. Для японской культуры присуще отсутствие чувства личности. Интенцию понятия личности обращено наружу, на другого, на общество. Характерным примером направленности японской души является улаживание важных и сложных дел, которые могут вызвать спор. Такие дела решаются японцами только с помощью третьего лица – посредника. Этот обычай настолько распространен, что применяется между родителями и детьми, между руководителями и подчиненными, и даже между супружескими парами. Западноевропейская заключается в особом внимании к уникальности и автономности личности, то есть предполагает сосредоточенность на внутреннем мире человека» [8, с. 88-89].

Психологичность и антропологичность одновременно всех этноисторических, этногенетических и культурно-моральных процессов не вызывает сомнений. Это же можно сказать и о взаимосвязи формулы «этногенез-культура-социогенез». Культура, будучи междисциплинарным понятием является объединительным контекстом для класса и этноса. На культуре строится каждое общество. Нации не существует без объединения этнической и всех социально-классовых культур через психологическое осознание. Осознание и восприятие – это два аспекта, на которых строится психология этнофора, который становится членом нации.

Культура выступает как этнический и антропологический фактор, который построен на менталитете, характере и сознании этноколлективов. Именно поэтому «Этис-метод», который используют в своих исследованиях современные психоантропологи (в отличие от культурно-психологического «etic») является чрезвычайно важным для политической антропологии, исторической антропологии, экономической антропологии. Он предусматривает вхождение исследователя в контекст исследуемой культуры. Необходимо знать язык и обычаи этого этноса. Любые научные оценки без знания традиций и культуры не являются взвешенными и действительно научными. Психологическая антропология предлагает теорию и способы практического использования этого метода для всех антропологических субдисциплин [8, с. 23].

Алгоритм развития и трансформаций этнической психологии, который лежит в основе этнической истории и выражается в объекте психоантропологических исследований, отражается также в категориях «язык» и «восприятие», о чем уже отмечалось выше. Эти категории, в конце XX века получили значение отдельных структурных единиц социокультурной антропологии, – когнитивная антропология и лингвистическая антропология. Их расположение в контексте философии науки достаточно туманно. Некоторые исследователи называют их отдельными субдисциплинами антропологии, независимыми друг от друга. Другие

отождествляют их, когда говорят о когнитивной или лингвистической антропологиях. Многие ученые относят им роль психоантропологических направлений. Среди американских психоантропологов они известны как «когнитивная школа в психологической антропологии» [9, с. 257].

Понимая, что «без речи нет мышления», видим, что умение говорить – это явление социальное. Безусловно, что природой в человеке заложена способность разговаривать, но развиваться она может лишь в контексте родительского воспитания и влияния среды, то есть, в ходе социализации. Это дало возможность психологу Р. Сингу и лингвисту А. Реформатскому рассматривать язык как социальную категорию. Последний, в частности, отмечает: «Если речь не природное явление, то, соответственно, ее место среди явлений общественных. Это решение правильное, но для того, чтобы была полная ясность, необходимо выявить ее место среди других социальных процессов. Это место особое благодаря особой роли языка для общества». Вместе с тем, автор правильно заметил, что «функции языка и закономерности его существования» отличаются от большинства других явлений социального характера. Необходимо согласиться с мыслями таких ученых как И.А. Бодуэн де Куртенэ, Ж. Вандриес, А. Мейе, Ф. де Соссюр, Л. Нуаре, о том, что без языка не существует ни культуры, ни социума, ни любого социокультурного пространства [11].

Социум и язык – категории взаимосвязанные. Их изучает социолингвистика, а в этническом контексте – этнолингвистика. Однако, проблематика «язык-человек-социум» должна стать именно лингвоантропологическим объектом исследований. Это объясняется прежде всего психологическим характером языковых процессов, которые проявляются в способности мышления, мышления и анализа, которые в своей совокупности составляют интеллект.

Самое простое – вывести интеллект и психологию от инстинктов. Однако, именно накопление опыта, алгоритм аналитических процессов мышления и выражения большого пласта информации – вряд ли могут быть объяснены в качестве инстинктивного опыта. Сам факт психологии и нашего самосознания выделяет человечество из Зоосферы. Однако, больше человек ничем не выделяется в животном мире. Это проблема физической антропологии. Психология, вторая сигнальная система, процесс мышления – вот где кроется тайна социокультурного развития антропосферы.

Социальность языка заключается в этничности [7, 12]. Каждый отдельный антрополандшафт (предвестник этноса) создал собственный язык с собственной хозяйственно-экономической лексикой, которая зависит от восприятия именно имеющихся климатически-географических условий. Итак, язык – наиболее показательный этносоциальный фактор. Речь может варьироваться индивидом на ранней стадии существования в процессе изменения этносоциальной среды. Это подчеркивал и Л. Гумилев [6, с. 90-98]. Однако, следует учитывать: если речь подвергается изменению, то психоментальные процессы – не могут быть изменены. В этом, по моему мнению, должно заключаться главное отличие между

психологической антропологией с одной стороны и лингвистической с другой. Когнитивная антропология, изучая первую сигнальную систему и проблемы восприятия является переходным контекстом между двумя психическими, но неодинаковыми явлениями. Объяснение одно: менталитет, характер, сознание «человека этнического» – категории, заложенные природой. Их можно определять и как «этнические инстинкты». Что же касается языка, то он является ярким примером социальности. Однако, и здесь нужно учитывать, что «социальное» производное от «этнического», которое является «естественным». Все взаимосвязано, но имеет различные концепции развития, алгоритм у менталитета и языка разный.

Этнопсихология не существует без языка. Хотя язык и не следует считать основным индикатором этноса (таковы менталитет, характер, мировоззрение человека), но выражение этого индикатора невозможно без языка [8, с. 106-112]. Менталитет переходит в фазу психопатологической мутации этнофора и создает неестественные формы этносоциального развития. Это – следствие ассимиляции, уничтожение языка, которое приводит к определенным психоментальным нарушениям.

В этом контексте можно поддержать критиков Дюринга – Маркса и Энгельса. Дюрингова идея о возможности аналитического мышления и переработки информации без языка не учитывает этнопсихологических аспектов исторического развития и отвергает теорию социальной психологии. Вместе с тем теория Н.Я. Марра по поводу «классовости языка» вообще отвергает этнопсихологию, психологическую антропологию [11]. При этом, Марр забывает о том, что социум и класс происходят от этноса. Природно-географические условия оформили сначала племена – этносы. Классовые формации развились в процессе фаз этногенеза, когда речь уже была выражением базовых психоантропологичних индикаторов. Понятие о «феодальных диалектах» не отражает этничность. Оно указывает лишь на небольшую часть – верхушку государственного управления в средневековье и Новом времени. Историческая антропология показывает, что речь формировалась не конкретными классами, а всей совокупности – обществом. И это общество до XIX в. полностью интегрировало и ассимилировало этот феодальный класс. Итак, этническая масса сильнее и устойчивее от интернационализированных элементов [10, с. 36-43].

Давно созрело новое понимание этнической психологии конкретного индивида. Оно должно выражаться именно в психологических аспектах социокультурной антропологии. Последние формируются на трех категориях: менталитет, аналитическое восприятие информации, языковое отображение опыта и осмысленное путем анализа утверждение. Соответственно, эти категории производят отдельные субдисциплины многомерного антропологического учения. Это – психологическая антропология, когнитивная антропология и лингвистическая антропология. Восприятие информации выступает базой для формирования этноса, вследствие приспособления к природно-географическим

условиям. Так формируется этническое мировоззрение, менталитет. Последний является главным основанием для этнической культуры. Культура является отображением географическо-экономического восприятия информации. Культурогенез взаимодействует с экономическими трансформациями, что приводит к возникновению классов, формирования общества как совокупности классов и сословий в этническом контексте. Язык продуцируется необходимостью общения в условиях определенного производства и может существовать только в социуме. Для возникновения и развития языка недостаточно одного этнофора. Общение можно рассматривать и как стадный инстинкт. Впрочем, без общения культура не смогла бы развиваться. Язык является внешним проявлением всех этнопсихологических качеств антропоса, но последние могут существовать и без языка. Однако, следует понимать, что исчезновение каждого этнического языка – историческая трагедия, результатом которой являются этнопсихологические нарушения в среде ассимилированных индивидов. Они проявляются в постоянных культурных заимствованиях, которые приводят к искусственным психоэмоциональным потребностям [9, с. 244-257].

Социокультурная антропология в своих психологических аспектах призвана изучить психическую природу этноса и этнического общества через сознание личности, показать взаимодействие личности с социальными процессами. При этом философская детерминация понятия «сознание» должна происходить через понимание этнического сознания (язык, менталитет, осмысление), социального сознания, индивидуального сознания. Изучение психологии «человека этнического» позволит зафиксировать этнопсихологические признаки и качества многих этносов, что в будущем даст возможность предотвратить их ассимиляцию.

Список литературы

1. Аверкиева Ю. П. Этнография и культурная/социальная антропология на Западе. / Ю. П. Аверкиева // Советская этнография. – 1971. – № 5. – С. 9-16.
2. Арутюнян Ю. В. Социально-культурное развитие и национальное самосознание. / Ю. В. Арутюнян. // Социологические исследования. – 1990. – № 7. – С. 42-49.
3. Белик А. А. Психологическое направление в этнологии США. От исследования «культура-и-личность» к психологической антропологии. / А. А. Белик. // Этнология в США и Канаде. – М., 1989. – С. 190-240.
4. Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. / Ю. В. Бромлей. – М.: Наука, 1981. – 390с.
5. Бромлей Ю. В. О соотношении истории, этнографии и социологии. / Ю. В. Бромлей, О. И. Шкаратан. // Советская этнография. – 1969. – № 3. – С. 3-19.
6. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. / Л. Н. Гумилев. – М.: Айрис-пресс, 2012. – 560 с.
7. Гумилев Л. Н. О соотношении природы и общества согласно данным исторической географии и этнологии. / Л. Н. Гумилев. // Вестник Ленинградского Государственного Университета. – 1970. – № 24. – С. 39-49.
8. Данилюк І. Етнічна психологія як галузь наукового знання: історико-теоретичний вимір. / І. Данилюк. – К., 2010. – 432 с.
9. Мельник В. М. Філософія соціальної та культурної антропології. / В. М. Мельник. // Biomedical and biosocial anthropology. – 2011. – № 17. – С. 243-257.

10. Нельга О. В. Теорія етносу: курс лекцій. / О. В. Нельга. – К.: Тандем, 1997. – 368 с.
11. Реформатский А. А. Введение в языковедение. / А. А. Реформатский. – М., 1967. – 560 с.
12. Шульга М. О. Структура етнічного типу особи. / М. О. Шульга. // Народна творчість та етнографія. – 1982. – № 5. – С. 15-25.